

Т. ПАРСОНС, Р. БЕЙЛЗ, Э. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ*

**Глава 5. ФАЗОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЯЗИ С МОТИВАЦИЕЙ,
ОБРАЗОВАНИЕМ СИМВОЛОВ И РОЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ****
(Толкотт Парсонс, Роберт Ф. Бейлз, Эдвард А. Шилз)

V. Нормативный контроль фазового движения

В предыдущем параграфе мы схематично представили классификацию основных типов явного (overt) социального взаимодействия в терминах тех видов функциональной связи, которые, как мы предполагаем, они имеют с действительным движением системы через различные ее фазы. В этом параграфе мы обсудим тот факт, что это движение не просто «действительное», но что оно в значительной степени регулируется и контролируется структурой институционализированных ценностей, или норм. Эти нормы дают базовый уровень «легитимных ожиданий», общих для членских единиц, в терминах которых могут быть приблизительно измерены «конформность» и «девиантность».

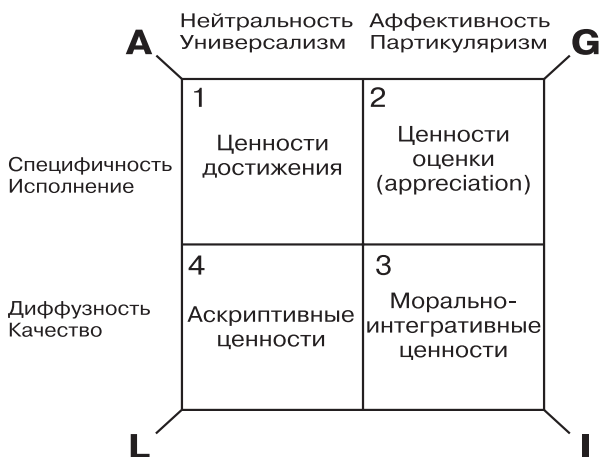
Как спецификации того, что конституирует конформность в поведении и установке, нормы, можно сказать, регулируют отношения между исполнениями и санкциями; они определяют отношения соответствия [между ними], совместимые с данной фазой системы или изменением, [переводящим ее] в новые фазы. Нормы устанавливают подходящую орбиту исполнения единицы при прохождении через различные фазы и соответствующие санкции для удержания ее на этой орбите. Классификация ценностей по фазам представлена на рис. 5 (см. прим. 1).

Исполнительский аспект нормы — это спецификация того, как член должен действовать на протяжении данных фаз (т.е. характера установки и ориентации на объекты, которых другие члены вправе ожидать от него),

* *Последняя глава книги.* Предыдущие главы см. в тт. 6 (вып. 1-2), 7 (вып. 2-3). Перевод выполнен по источнику: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action.* N.Y., L., 1953. P. 163-269.

** *Продолжение публикации.* Начало главы см. в предыдущем выпуске.

Типы ценности исполнения, присущие каждой фазе

Типы ценности санкции, присущие каждой фазе

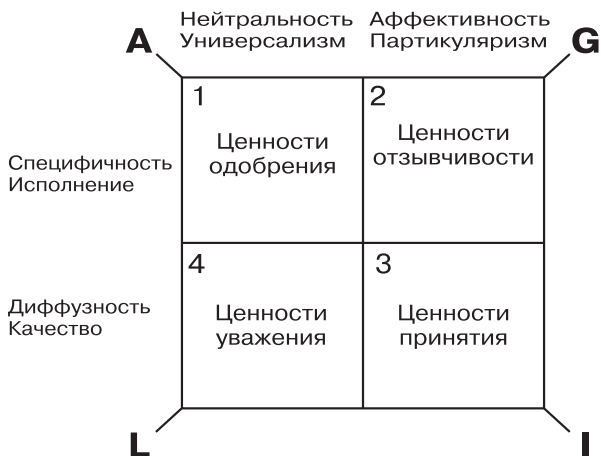

Рис. 5

а аспект, связанный с санкцией, — спецификация того рода реакций, которых этот член, в свою очередь, вправе ожидать от них (т.е. их установок и ориентации на него и на его деятельности), в зависимости от его конформности или девиантности. Нормы системы можно рассматривать как культурный осадок прежних циклов исполнения и санкции в системе,

имевших результатом удовлетворение и свершение. Они — продукт научения и условие устойчивого состояния.

Необходимо указать, что, рассматривая нормы в связи с контролем над процессами действия, мы не ограничиваем наше внимание исключительно системой как точкой отсчета, а имеем дело со связью между состоянием (*juncture*) системы и процессами действия ее единиц... Нормы, в нашей интерпретации, — это свойства системы. Когда система видится как объект, нормы являются ключевыми аспектами ее структуры; они являются ее паттернами ценностной ориентации. С другой стороны, если рассматривать их в связи с системным процессом, они относятся к динамическим связям единиц друг с другом.

Принципиально важно иметь в виду, что орбиты разных единиц дифференцированы друг от друга — что мы покажем подробнее ниже, в параграфе VIII, — и в любой данный момент времени разные единицы могут оказываться в разных фазах своих орбит. Первичной функцией норм является удержание этих разных фазовых движений единиц в гармонии друг с другом и с более широким фазовым движением системы в целом. С точки зрения системы, стало быть, их функция интегративна. Соответствующие ценности, таким образом, всегда являются в одном из аспектов морально-интегративными ценностями, но при этом [особым образом] «применяются» в каждом из основных функциональных контекстов системы.

Например, ценности достижения регулируют адаптивные исполнения любой единицы в системе на предмет их совместимости с адаптивными потребностями системы в целом, а санкции одобрения—неодобрения закрепляют эти ценности, вознаграждая данное исполнение или наоборот. Именно тот факт, что эти ценности «общие» для членов группы, т.е. институционализированы в системе, делает их средоточием этого регулятивного процесса.

Теперь можно коротко рассмотреть главные черты каждого из четырех типов норм. Этот обзор может быть коротким, так как это описание, по сути, повторяет в нормативных терминах данное нами ранее описание каждой фазы. Первый [тип нормы] можно назвать «инструментальным». Это комбинация значений переменных, соответствующих фазе адаптивно-инструментального достижения процесса действия. *Ценность достижения* предписывает, с одной стороны, исполнение, придерживающееся универсалистских стандартов в когнитивной оценке релевантных фактов ситуации, и, с другой стороны, вложение адекватных усилий в достижение цели, ибо только при таком условии исполнение может максимизировать вклад в адаптивные функции системы. «*Ценность одобрения*», в свою очередь, предписывает санкции, оберегающие аффектив-

ную нейтральность в оценке ситуационных требований как основу согласия или несогласия (т.е. объективности) и специфичность ориентации, позволяющую «удерживаться в русле» и не отвлекаться другими интересами. Заметим, что нормы ничего не специфицируют относительно интеграции этого процесса с другими интересами, разве что негативно, препятствуя их вмешательству.

Второй тип норм мы можем назвать «нормами, легитимирующими специфические целевые состояния единицы (unit-goal-states)», или нормами «дозволения» («permissive» norms). Они управляют действием в фазе, в которой единица приближается к консумматорному достижению и в которой проблема ее интеграции с другими в системе начинает мешать графикации, если только графикация специфических целей не является по крайней мере временно легитимированной. *Оценочные* (appreciative) *ценности* этой фазы выполняют для системы функцию защиты достаточной графикации и снятия напряжения для последующего переключения на адаптивные и интегративные цели. *Ценности отзывчивости* (response), со своей стороны, описывают в нормативных терминах тот род реакции, которого актер вправе ожидать от других, когда их свободная аффективная реакция является интегральным компонентом его целей. Эти два вида ценностей, разумеется, мотивационно конгруэнтны друг другу и обычно содействуют распределению графикации между членскими единицами через их прямое взаимодействие друг с другом в этой фазе.

В третьей фазе мы говорим о морально-интегративных нормах. Здесь акцент на исполнении уступает место акценту на оценке качества объектов. Достижение единицей специфического целевого состояния или [ее] прямое наслаждение [им] не является более главным акцентом. Скорее акцент делается на конгруэнтности этого целевого состояния другим целям в системе и на солидарности членских единиц друг с другом как морального коллектива, в котором есть некоторая генерализованная общая приверженность констелляции целей и ценностей, упорядоченных тем или иным конгруэнтным способом. Согласно *морально-интегративным* ценностям этой фазы, исполнение должно состоять в выражении ценностей и манипуляции символами, которые экстернализируют и упрочивают эту желаемую конгруэнтность и солидарность. Соответствующей санкцией, согласно ценностям этой фазы, является *принятие*; считается, что демонстрация солидарности со стороны эго требует взаимности в диффузно-аффективных терминах. Ключевой проблемой, с которой имеет дело эта норма, является, таким образом, поддержание связи между интеграцией системы и системами ценностных паттернов единиц.

Наконец, в четвертой фазе мы говорим об «аскриптивно-качественных» нормах. Здесь находит свое завершение процесс интернализации или институционализации нового свершения; система может функционировать как единица на новом базисе и оказывается готова к новой фазе инструментального исполнения. Ключевой сферой «исполнения» (насколько можно говорить об исполнении в этой фазе) является связь между новоучрежденными паттернами и меняющейся ситуацией; проблема состоит в таком сохранении и выражении этих интернализированных или институционализированных паттернов, которое не идет в разрез с ними и которое вместе с тем позволяет системе переходить в смежные фазы, когда ситуация этого требует. От эго ожидается, что оно будет проявлять или воплощать те интернализированные культурные ценности, которые ему *предписываются* (are ascribed). Ключевой сферой санкции является сфера диффузной оценки единицы в свете институционализированного паттерна системы. Эго ожидает, что ему будет оказываться *уважение* за то, что оно «есть», а не за то, что оно «делает».

Определение этих норм для той или иной фазы орбиты единицы определяет так же, как мы сказали выше, соответствующую этой фазе деятельность. Между тем изменяющийся поток входов извне системы в каждой фазе будет приводить в движение переходы к другим фазам и, следовательно, начинать активировать другие ценности. Будет производиться новая фаза. Должен быть, следовательно, переход к релевантности какой-то другой нормы, по мере того как будут накапливаться последствия этих изменений во входах. Каждая фаза имеет собственные нормы, регулирующие действие единицы в этой фазе и также регулирующие (позитивно или негативно) связи этой фазы системы с другими фазами. Чтобы система была упорядоченной и находилась в равновесии, ценностный паттерн, содержащийся в нормативной системе каждой из фаз, должен быть относительно консистентным (по паттерну) и, таким образом, в достаточной степени эмпирически совместимым с ценностными паттернами второстепенных фаз. Нормативная система преобладающей фазы должна либо допускать «плавный» переход к следующей фазе системы, либо способствовать ему. Эта возможность выражена в нашей схеме наличием некоторых общих типовых переменных в ценностных паттернах смежных фаз. Так, для ценностей достижения и оценочных ценностей является общей «специфичность» интереса к «исполнению» объектов.

Эта потребность в процессах перехода между преобладаниями разных норм, видимо, является переустановлением в более формальных терминах того фундаментального положения, которое всячески подчеркивалось в «*Ценностях, мотивах и системах действия*» и «*Социальной сис-*

теме», а именно: что ни одна система действия не может быть идеально интегрированной в терминах ценностного паттерна, но что множество таких паттернов должно присутствовать в ее системе контроля. Мы даже решились бы теперь утверждать, что все основные типы нормативного паттерна, присущие каждой фазе, должны быть представлены в любой системе, но, разумеется, их относительная выраженность в системе в целом, а также в разных фазах может существенно варьировать. Как именно относительная выраженность распределяется в разных типах систем, — это проблема структуры, и мы коротко коснемся ее в следующем параграфе (см. прим. 2).

Однако прежде чем перейти к этому комплексу проблем, необходимо несколько подробнее углубиться в динамические аспекты фаз процесса.

Мы еще не проанализировали как следует балансы «входа» и «выхода», связанные с этим процессом, и, следовательно, *последствия* разных порядков изменчивости в условиях, воздействующих на систему. С этими проблемами тесно связаны другие, которыми мы до сих пор совершенно пренебрегали: анализ процесса изменения в самом символическом содержании и его связей с паттерновым аспектом символических систем. К этим проблемам мы и должны теперь обратиться.

VI. Вход и выход и связи между мотивацией и образованием символов

Общие соображения относительно мотивации

Прежде чем приступить к более детальному анализу проблем входа и выхода, будет полезно коротко повторить некоторые наши базовые допущения относительно мотивационного процесса. Они уже были подробно изложены в наших ранних работах, но будет уместно резюмировать те моменты, которые особенно важны для решения стоящей перед нами задачи.

Можно начать с того, что, возможно, покажется радикальным допущением в отношении мотивации, а именно с того, что *для целей теории действия* мотивацию лучше всего трактовать как «изначально» не дифференцированную относительно системы, в которой она используется. Согласно этой концепции, для личности как системы мотивация состоит в едином «побуждении к гратификации»; это всего лишь побуждение «получить что-то», обнулить существующее состояние мотивационного напряжения. Спецификация целей, [т.е.] *содержания* того, в чем актер нуждается, полагается тем самым как производная не от внутренней структуры мотивационной системы как таковой, а от «ориентаций», развивающихся в самих процессах действия. Спецификация цели — продукт «научения». Короче говоря, мотивация понимается как «поток энер-

Рис. 7

гии» [поступающий] из организма как физиологической системы. Этот приток энергии организуется, распределяется и расходуется «личностью» как системой действия и, через нее, любой системой социального взаимодействия, какая бы ни служила точкой отсчета для того или иного анализа, и внутри этих систем. Этот «поток» можно проследить на рис. 7.

Итак, очевидно, что некоторая эмпирическая специфичность целей действия навязывается личности как системе потребностями организма. Этот биологический элемент в структуре эмпирической системы целей будет, однако, трактоваться здесь как некоторый набор отправных точек для организации действия посредством ориентации. [Вопрос о] сравнительной эмпирической значимости набора биологически организованных элементов действия и компонентов, производных от системы усвоенной ориентации, можно пока оставить открытым.

Второе базовое допущение состоит в том, что этот поток мотивационной энергии дифференцируется на «ветвящиеся ручейки» посредством процессов научения, в ходе которых развивается система ориентации. Процесс научения изображен на рис. 7 и 8. Аллокацию мотивационной значимости в объекты ситуации мы называем «катексисом». Одновременно идет процесс когниции объектного мира, являющийся на уровне действия первичным средоточием механизмов адаптации к ситуации. Система ориентации выстраивается посредством усвоения (learning) катектических и когнитивных ориентаций.

Рис. 8

Связи между когнициями и катексисами организуются процессом оценивания. Оценочный процесс устанавливает два рода соединений. В отношении *единицы* системы действия как таковой — скажем, той или иной потребностной диспозиции в личности — оценивание имеет результатом *привязанность* (commitment) мотивационной энергии единицы к особому содержанию целевой ориентации, конститутивному для конкретного процесса действия. В то же время оценивание входит в детерминацию *связей* данной потребностно-диспозиционной единицы с другими потребностно-диспозиционными единицами в системе.

Тот факт, что цели, эмпирически важные для теории действия, всегда являются «вторичными», или усвоенными, предполагает развитие системы символических паттернов, которые управляют связью членских единиц и объектов в консуматорной фазе. (Мы можем предположить, что, по крайней мере, в самых важных случаях объекты являются «комплексными объектами» в том смысле, в каком об этом говорилось в главе 2, а, соответственно, катектическая ориентация — не просто «элементарным» или «примитивным» катексисом, а «установкой» в смысле экспрессивно-символического ценностного паттерна. Совершенно ясно, что графикация или удовлетворение, [находимые] в эффективном достижении или в любовной привязанности к человеку, принадлежат к этой категории.) Эта спецификация консуматорного целевого состояния в терминах символически организованного, когнитивного и экспрессивного

«определения ситуации» и есть то, что мы имели выше в виду под «приверженностью» (commitment) цели. Первичная, или элементарная «направленность» процесса действия на состояние целедостижения не может быть эмпирически определена без элемента символически организованной приверженности, т.е. спецификации целевой ориентации.

Спецификация *целевого состояния*, однако, является лишь первым шагом в установлении четырех дифференцированных фаз, которые должны быть учтены в анализе мотивационного процесса. Далее мы должны учесть еще два элемента. Это два набора *требований* (exigencies), предъявляемых достижением цели. Удовлетворение этих двух наборов требований есть условие поддержания устойчивости процесса действия в системе. Оба заключают в себе проблемы, вытекающие из дефицита [ресурсов] (scarcity) и, следовательно, необходимости аллокации. Мы назовем их «требованиями области ориентации на задачу» и «требованиями социально-эмоциональной области» системы действия. Точнее, это требования *адаптации* и *интеграции*.

Первый из этих наборов условий — решение адаптивных проблем, относящихся к области ориентации на задачу, — проистекает из того факта, что целевое состояние есть состояние связи между членскими единицами системы и некоторым набором ситуационных объектов. Стабильность этой связи зависит не только от стабильности мотивационных ориентаций членских единиц, т.е. от их «приверженности» цели, но также от стабильности самих ситуационных факторов по отношению к системе. Поскольку нельзя безоговорочно полагать, что эта связь будет «оставаться неизменной» без процессов контроля и/или адаптации со стороны одной или более членских единиц, то основная *задача* [оказывается] навязанной (is imposed). В интересах максимизации gratification и удовлетворения во времени, стало быть, какая-то часть энергии должна отвлекаться с непосредственного целевого вознаграждения на манипулирование ситуационными факторами, т.е. на «инструментальную» деятельность. Следовательно, максимизация целевой gratification, при прочих равных условиях, есть функция [установления] баланса между консумматорной деятельностью и инструментальной деятельностью. «Успех» этой инструментальной деятельности, таким образом, конституируется адекватной адаптацией к требованиям изменчивой ситуации.

Рассматриваемые с этой точки зрения, консумматорная деятельность и инструментальная деятельность имеют ту общую черту, что в них релевантные потребностные диспозиции членских единиц трактуются как ориентированные на некоторые специфические цели. Задействованные потребностные диспозиции мыслятся при этом как контролирующие

некоторую важную часть моторного аппарата организма, а также другие способности (facilities), и этот контроль может быть в той или иной степени несовместим с другими потребностно-диспозиционными единицами, одновременно в нем оперирующими. Возможности вхождения потребностных диспозиций во внешнее (overt) действие образуют дефицитный ресурс личности как системы; это ресурсы, которые должны быть аллоцированы. Фазы, в которых происходят исполнения, отличаются друг от друга, однако, тем, что в консумматорной фазе связь с объектом является «сама по себе» вознаграждающей (или депривационной), а в инструментальной фазе имеет место большая или меньшая отдаленность от такого целевого состояния, и деятельность направлена на изменение связи «система—объект» в сторону целевого состояния. Это предполагает «сдерживание» тенденций к прямой гратификации, или отвлечение (aversion) [от нее] в двух смыслах. Во-первых, это откладывание первичной целевой консуммации до тех пор, пока ситуация не будет сделана более благоприятной. Во-вторых, это сопутствующий отказ от вторичных возможностей (возможно, для гратификации других потребностных диспозиций), принятие которых воспрепятствовало бы эффективности инструментальной деятельности.

Второй набор условий поддержания устойчивого состояния состоит в удовлетворении тех требований, которые предъявляются к гратификации той или иной потребностной диспозиции вследствие наличия других единиц в той же системе. Это требования социально-эмоциональной области, и они конституируют интегративную проблему. Единицами системы могут быть либо другие потребностные диспозиции, [заклученные] в личности эго, либо [потребностные диспозиции, заклученные] в других личностях (альтер), [вклученных] в систему социального взаимодействия, либо те и другие. Здесь проблема совершенно аналогична проблеме адаптации. При заданном паттерне ожиданий одной членской единицы нет никаких гарантий, что связи с другими единицами, от которых зависит исполнение этих ожиданий, будут «оставаться неизменными». А значит, будут необходимы процессы приспособления либо через положительный контроль над соответствующей единицей, либо через аккомодацию к ней. Проследить это на уровне межличностной коммуникации, наверное, легче, чем на уровне взаимодействия потребностных диспозиций внутри личности, а потому мы сменим системную точку отсчета и возьмем в качестве таковой малую группу, членскими единицами которой являются лица.

Способы адаптации к новым требованиям ситуации системы состоят в когнитивном понимании катектируемых объектов и в инструмен-

тальном манипулировании их связями друг с другом и с системой. Приспособление к другим членским единицам, в свою очередь, мы мыслим как совершающееся и через когницию тоже, но прежде всего заключающее в себе экспрессивную коммуникацию, т.е. получение и выдачу эмоционально значимых позитивных санкций и избежание негативных санкций со стороны других единиц. Если адаптивные процессы осуществляются через регулирование ситуационных несистемных *последствий* вложения мотивации в данный процесс целедостижения при меняющихся условиях, то интегративные процессы осуществляются через *перераспределение* (shifting the *allocation*) мотивационной энергии между альтернативными «каналами» ее использования, т.е. между поощрением или осуждением деятельности данных членских единиц. Санкция состоит в «интенциональной» (в смысле, оговоренном в главе 2) манипуляции экспрессивными символами одной членской единицей, которая презентрует другой членской единице «вторичные» объекты катексиса, связанные посредством генерализации с первичными. Такая манипуляция символами либо «отводит» энергию, давая приемлемые каналы катексиса, либо предотвращает ее отвод в дисфункциональные каналы, устраняя [некоторые] потенциальные возможности для катексиса или иные возможности для расхода энергии.

(Следует понимать, что конкретная единица системы действия является в эмпирическом плане объектом как адаптивных, так и интегративных процессов. Она есть адаптивный объект в той мере, в какой ее мотивационная ориентация не поддается экспрессивному влиянию, а отвечает лишь на изменения в ситуационных условиях.)

Четвертый фокус дифференциации процесса действия связан с проблемой «напряжения». Обычно считают, что термин «напряжение» следует употреблять лишь в отношении органического состояния физиологической системы, определенного в физиологических терминах; но хотя эмпирически этот способ словоупотребления очень важен, для наших теоретических целей он совершенно непригоден в силу принятого нами допущения недифференцированности «исходной» мотивации действия. Благодаря этому допущению наше внимание легче обращается к фундаментальному набору проблем, которые [в противном случае] могли бы остаться либо совершенно не замеченными, либо всерьез не понятыми. В сущности, они вертятся вокруг того, что единица системы действия — потребностная диспозиция члена социальной группы — под иным углом зрения *сама* является *системой*, имеющей собственный набор условий равновесия. Эта концепция принципиально важна ввиду наших притязаний на применимость теории действия во всем диапазоне «микро-макро».

Большинство наиболее элементарных проблем действия заключают в себе два смежных уровня, находящихся в этом диапазоне. Единица является «низшим уровнем», а «система» — высшим из этих двух (см. прим. 3).

Напряжение, в том смысле, в каком мы намерены употреблять этот термин, существует постольку, поскольку действительное «положение» одной или более единиц в системе не совпадает с положением, которое они, с точки зрения потребностей *собственного* равновесия как систем, *должны* занимать. Стало быть, «напряжение» — это смутный остаточный термин, обозначающий состояние мотивационного резервуара, доступного для использования или требующего экспрессии в рассматриваемой системе. Напряжение, разумеется, есть результат как механизмов, внутренних для самой единицы, так и ее прямых реакций на более крупную систему единиц, частью которой она является. Между тем трактовка единицы как единицы, а не как системы, означает, что на этом уровне анализа нас интересуют лишь *последствия* работы этих внутренних механизмов, а не сами механизмы. Поэтому конечный результат берется как данность и называется «напряжением». Для эксплицитного анализа последнего потребовалось бы изменить системную референцию таким образом, чтобы то, что раньше трактовалось как единица, стало трактоваться как система.

Один из главных источников затруднений для методичного соблюдения системных референций кроется в том, что интеграция системы символического паттерна на самом деле, как правило, выходит за пределы подсистемы, которая в данный момент трактуется как единица. Так, в случае большинства проблем процесса социального взаимодействия трудно эксплицитно работать с личностями участвующих акторов как с отдельными системами, и многие задачи просто этого не требуют. В таком случае уровень напряжения будет атрибутироваться *актору*, а не какой-то отдельной потребностной диспозиции, вовлеченной как ролевое ожидание в этот особый процесс взаимодействия. Предполагается, что личность актора, в релевантном [здесь] смысле, достаточно хорошо интегрирована, так что не возникнет никакой серьезной ошибки от невыявления того, которая из его потребностных диспозиций задействована. В свою очередь, для других проблем, например тех, в которых заключен ролевой конфликт, такое различие может иметь первостепенное значение.

Если единица является системой на низшем уровне диапазона, то трактовка ее как «единицы», аналогичной частице, означает, что она трактуется как сама являющаяся *интегрированной* системой. В этом контексте мы приписываем ей интегрированный паттерн, который пронизывает собой все ее «референции», ее спецификацию цели или приверженность

[цели], паттерны адаптивной или интегративной ориентации. Из этой концепции единицы возникает наше четвертое измерение – измерение «латентности».

В терминах теории действия, этот интегрированный паттерн означает «качества» этой единицы как объекта во всех его релевантных соотношениях в процессе действия. Это, в свою очередь, подразумевает культурную систему, или систему символического паттерна единицы, предполагающую, что она интегрирована, или «обладает связным паттерном». Именно это мы имеем в виду под релевантностью латентного измерения системы действия. Единица «имеет тенденцию» достигать цели, которой она привержена. Также она «имеет тенденцию» адаптироваться к ситуационным и интегративным требованиям. Но в равной мере она «имеет тенденцию» сохранять и «выражать» себя, т.е. оставаться стабильной и в то же время иногда «разыгрывать» в терминах своих собственных качеств свой символический паттерн смысловой интеграции не только в целевой гратификации, но и в других аспектах тоже.

С дифференциацией системы действия на части, или членские единицы, со стабилизацией аллокации мотивационной энергии и стабилизацией процесса действия и гратификации развивается система *ожиданий*. Это понятие обозначает всего лишь один из основных аспектов процессов в равновесной системе, служащий предпосылкой их неизменного воспроизведения. То, что психологи называют «фрустрацией», мы будем толковать как нарушение равновесия системы, видимое с точки зрения некоторой отдельной потребностно-диспозиционной единицы. Нарушение равновесия (*disequilibrium*) есть блокировка или отклонение процесса течения энергии, затрагивающие исполнение и гратификацию.

Приняв указанные допущения, мы можем прийти к важному заключению относительно природы реакции на фрустрацию в этом смысле. Система, равновесие которой было нарушено, будет, как мы полагаем, стремиться восстановить равновесие путем устранения источника нарушения. Фрустрация любой единицы будет результатом некоторого изменения в ее связи с катектируемыми объектами, в том числе другими единицами. Катексис объекта или объектов будет тяготеть к сохранению; он будет исчезать лишь после процесса научения, включающего угасание, т.е. достижение нового равновесия. Этот упорно сохраняющийся (*continuing*) катексис будет создавать тенденцию к изменению новой связи с объектом в направлении восстановления старой связи, и он будет делать это через контроль над связью с объектом. В то же время будет попытка редуцировать катексис прежнего фрустрирующего способа действия. При анализе системного процесса это служит основой для обобще-

ния, что реакция на фрустрирующий опыт принципиально *амбивалентна* по своей структуре.

Парадигма для анализа девиантного поведения («Социальная система», глава 7) устанавливает в отношении любого данного паттерна ожиданий основные логические возможности ориентации в такой ситуации фрустрации, исходя, во-первых, из того, какие из компонентов фрустрированной и амбивалентной мотивационной структуры первичны, позитивные или негативные, и, во-вторых, из того, мобилизуется ли мотивационная энергия в эту особую потребностно-диспозиционную единицу или отнимается у нее. Эта проблема будет подробнее обсуждена ниже.

Общие соображения относительно входа и выхода

Основополагающая двойственность референтной рамки действия (action frame of reference) – актер и ситуация, установка и объект и т.д. – проходила сквозной нитью через весь наш анализ систем действия и процессов внутри них. Теперь мы хотим сделать эту двойственность отправной точкой для более внимательного, чем раньше, анализа двух основных аспектов этого системного процесса, а именно (1) того, что происходит в ходе действия с *мотивацией*, или побуждением (drive), и (2) того, как объекты меняют свои *символические значения* и этот изменившийся смысл встраивается в паттернирование процесса действия, или в саму структуру системы.

В этой связи нужно иметь в виду, что, как мы не раз указывали, то, что мы *разумеем под* структурой систем действия как социальных объектов, состоит именно в паттернировании их как систем символических значений. Следовательно, изменение в символическом значении есть, по определению, изменение в структуре системы «актер–ситуация» как системы объектов.

Удобно подойти к этим проблемам под углом зрения понятий «входа» и «выхода». Под входом мы имеем в виду то, что входит в любой данный сектор фазового процесса системы действия как извне этой системы, так и из ее предшествующего состояния, вариации в котором будут влиять на процессы в системе; под выходом, в свою очередь, мы имеем в виду изменения в итоговом состоянии системы или ее ситуации, т.е. других систем действия и несоциальных объектов, которые можно наблюдать в конце периода и считать последствиями системного процесса. Точка зрения входа–выхода есть, стало быть, не независимый способ анализа системного процесса, а скорее способ описания различий между начальным и конечным состояниями цикла, который состоит в рассмотрении системы «извне», т.е. с точки зрения наблюдателя, и попытке оце-

нить балансы между тем, что «входит» в начале цикла и «выходит» в конце него, включая изменения в свойствах самой системы, какими их видит сторонний наблюдатель. Мы собираемся строго придерживаться этой точки зрения и никогда не говорить о входе или выходе как о чем-то происходящем внутри фазового цикла системы, но только как о чем-то происходящем *между* началом такого временного сегмента процесса и его концом. Вместе с тем мы должны помнить, что системные референции в известной мере произвольны и могут быть изменены. Следовательно, то, что на одном уровне является процессом взаимодействия между единицами системы, т.е. анализируется как исполнение и санкция, может трактоваться как баланс входа–выхода любой данной единицы при трактовке ее как подсистемы с собственным фазовым периодом с внешней точки зрения. Но когда мы так говорим, всегда имеет место переключение системной референции. В анализе входа–выхода внимание сфокусировано не на процессе взаимодействия, а на *последствиях*, заключенных в некотором временном секторе такого процесса: с одной стороны, на его «стоимости» в [форме] того, что было «израсходовано», а с другой стороны – на его результате, или, если и далее употреблять экономическую терминологию, на его продукте.

Понятия входа и выхода по природе своей количественны, и их введение, надеемся, станет еще одним шагом на пути к анализу количественных аспектов процесса действия. Фундаментальное основоположение, на которое мы здесь опираемся, вытекает из концепции равновесия, из которой мы уже извлекли много пользы. Это положение [гласит], что для стабильного состояния входы в систему должны быть со временем сбалансированы выходами; иначе говоря, любой избыток или дефицит в категории входа будет с необходимостью вызывать изменения в состоянии системы, которые, если они не будут со временем сбалансированы, найдут отражение в изменениях в одной или нескольких категориях ее выхода. В свою очередь, это положение, как нам кажется, можно в основном вывести из одного из четырех наших принципов, установленных в главе 3 и воспроизведенных в начале этой главы, а именно принципа акселерации, или усилия. Суть его в том, что если в систему вкладываются «ресурсы», то за них надо отчитываться, [и] последствием этого становится изменение либо ситуации, либо состояния системы, либо того и другого (см. прим. 4); и [так же] для случая отнятия ресурсов. Этот подход к проблеме указывает на лежащее в его основе представление о некотором принципе сохранения, но в данном случае не [сохранения] энергии, учитывая нашу концепцию однонаправленного процесса, а сохранения входов, в том смысле, что если мы распознали входы, то долж-

ны за них отчитаться; они не исчезают в никуда, равно как и системный процесс, в соответствующих аспектах, не просто «творит» новые вещи безотносительно к «чему-то», из чего они образуются.

Наша первая задача состоит, таким образом, в том, чтобы определить основные категории входа и выхода, ибо только тогда мы сможем приблизиться к определению и анализу «трансформаций», происходящих в ходе процесса действия. Со стороны входа мы должны подумать прежде всего об исходном состоянии системы в начале «отчетного периода», а затем о входах извне системы; аналогично, со стороны выхода есть различие между конечным состоянием системы и [конечным состоянием] «снаружи», т.е. в ситуации, которая сама по себе не определяется как часть системы. Для связывания того и другого концепция равновесия в стабильном состоянии имеет фундаментальное значение. Наш базовый постулат гласит, что в стабильном состоянии входы и выходы в целом будут уравниваться во времени и что изменение в одной категории будет «компенсироваться» «эквивалентным» изменением в других категориях.

Когда мы приступаем к рассмотрению *видов* входа и выхода, наверное, лучше всего будет наложить [это различие] на различие системы и ситуации и говорить о двух наиболее фундаментальных категориях каждого, а именно: (1) о входе мотивационной энергии (или побуждения) и ее «продуктах» на выходе и (2) о входе объектных свойств и отношений и их последствиях на выходе.

Примечания

1. Читателю следует принять во внимание, что эта классификация несколько отличается от классификаций, которые использовались ранее Парсонсом и Шилзом (ср.: *Ценности, мотивы...* Рисунки 3 и 4. С. 554, 555) и Парсонсом (*Social System*. Tables 2a, 2c. P. 102, 108). Разница, видимо, проистекает из двух основных источников: (1) в предыдущей классификации типовые переменные категоризации объекта и установочные типовые переменные брались по отдельности. Мы еще не сознавали, что они образуют четырехмерную систему. Здесь в каждую классификацию включаются все четыре [переменные]; (2) мы еще не сознавали некоторые динамические связи этих ценностей с системным процессом и, следовательно, как непрерывность переходов между ними, так и паттерны «сцепления» типов исполнения и санкции. Мы не будем занимать место объяснением того, как именно мы совершили этот переход, но лишь надеемся уберечь читателя от путаницы, уведомив его об этом изменении.

2. Есть еще одна особенность норм, заслуживающая внимания в свете истории схемы типовых переменных. На ранних этапах ее развития, в «*Ценностях, мотивах...*», мы старались разработать те же комбинации компонентов четырех типовых переменных, что и описывающие фазовое движение. Однако в то время нам не удалось обосновать удовлетворительным образом значимость этих комбинаций. Теперь эти комбинации вновь заняли важное место в концептуальной схеме. В особенности можно обратить внимание на комбинации, заключенные в том, что названо здесь инструментальными и системно-интегративными нормами, вплотную характеризующими то, что в обширной социологической литературе

мыслится в качестве полярных типов институциональной структуры. Наиболее известной версией этих типов является, пожалуй, теннисовская дихотомия *Gemeinschaft–Gesellschaft*.

3. Типовая переменная «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив», которую мы сознательно исключили из комбинаций, играющих главную роль в этом анализе, черпает свою основную значимость в проблемах, возникающих при необходимости эксплицитного рассмотрения еще и третьего уровня, находящегося «выше» уровня обычной системной референции. Типовая переменная «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив» есть функция того факта, что рассматриваемая система интегрирована в еще более широкую систему, единицами которой являются также другие сопоставимые системы.

4. Эта часть предложения переведена по предполагаемому смыслу, так как в оригинале, по-видимому, присутствует либо авторская небрежность, либо ошибка типографского набора: «This essentially says that if “resources” are put into a system, what happens to them must be accounted for, either the situation or the state of the system, or both is changed as a consequence...». — *Прим. перев.*

Пер. с англ. В.Г. Николаева